

Тареев М. М. Библиография. [Рец. на:] Зарин С. Аскетизм [по православно-христианскому учению. СПб., 1907. Т. 1. Кн. 1–2)] // Богословский вестник 1908. Т. 2. № 5. С. 141–150 (3-я пагин.). (Начало.)

О книгѣ г. Зарина „Аскетизмъ“.

I.

Десять истекшихъ мѣсяцевъ до такой степени были поглощены у меня печатаніемъ „Основъ христіанства“, что я не имѣлъ возможности внимательно слѣдить за новою литературою по своему предмету. Я отмѣчалъ для себя по рецензіямъ, обзорѣніямъ и объявленіямъ нужное и важное, выписывалъ, но не читалъ. И за это время у меня накопилось множество ученыхъ трудовъ по нравственной наукѣ, на которые я съ жадностью набросился, лишь только освободился отъ своей всепоглощающей работы. И первую книгою, за которую я принялся, было ученѣйшее „этико-богословское“ изслѣдованіе Сергѣя Зарина *Аскетизмъ по православно-христіанскому учению*. Томъ первый: основоположительный, въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ книга первая даетъ критическій обзоръ важнѣйшей литературы вопроса (VIII+XXX+388 стр.), а вторая содержитъ опытъ систематическаго раскрытія вопроса (XI+XV+693 стр.). Всего 1145 страницъ. Почти на каждой страницѣ подавляющее обиліе цитатъ, греческихъ и латинскихъ текстовъ. Я припомнилъ недавній магистерскій диспутъ г. Зарина, восторженные отзывы официальныхъ рецензентовъ, газетный шумъ. Заринъ—второй Болотовъ: такая молва пронеслась по нашему богословскому міру. Было повѣдано, что трудъ г. Зарина свидѣтельствуетъ „о безконечномъ трудолюбіи автора, о глубокомъ проникновеніи его въ предметъ, о прекрасномъ авторскомъ настроеніи внутреннемъ... Всѣ отдѣльныя понятія, о которыхъ тутъ трактуется, выяснены на основаніи святоотеческихъ данныхъ весьма обильныхъ. Въ этомъ заключается заслуга автора не-

сомнѣнная... Авторъ отличается необыкновеннымъ трудолюбіемъ, онъ прочиталъ множество святоотеческихъ твореній на ихъ оригинальномъ языкѣ, проштудировалъ массу болѣе или менѣе выдающихся пособій, отнесся къ нимъ необыкновенно внимательно, добросовѣстно, самостоятельно; всѣ свои положенія обосновываетъ надежными—библейскими, святоотеческими данными“. Рецензентъ—панегиристъ писалъ, что „авторомъ проштудировано до 88 томовъ святоотеческихъ твореній“ и „что сущность дѣла, принципиальная сторона его установлены авторомъ твердо на твердѣйшемъ библейскомъ и святоотеческомъ основаніи“.

Въ виду этихъ предварительныхъ данныхъ я приступилъ къ чтенію грандіознаго труда г. Зарина съ изощреннымъ вниманіемъ, съ напряженнымъ благоговѣйнымъ чувствомъ.

И первое внѣшнее впечатлѣніе отъ этихъ книгъ было радостное, бодрящее, открывающее твердую почву подъ ногами и широкія дали въ будущемъ. Взявъ въ руки этотъ „основоположительный“ увѣсистый томъ, напечатанный на великолѣпной бумагѣ, четкимъ и солиднымъ шрифтомъ, украшенный оглавленіями, предисловіями, введеніями, заключеніями, указателями, дѣленіями, подраздѣленіями, вводными положеніями и выводными тезисами, историко-филологическими справками по каждому вопросу, безконечными цитатами и примѣчаніями къ каждому почти слову текста, невольно радуешься за наше богословіе какъ за науку. Характеръ религіозной литературы нашихъ дней составляетъ самый выгодный фонъ, на которомъ выдѣляется такая ученая работа.

Никто не будетъ спорить противъ того, что главною причиною незавиднаго положенія русскаго богословія, сравнительно съ западнымъ, главнымъ врагомъ русскаго богословія, является лубочная богословская письменность. Наша богословская наука не дорожитъ своею репутациею, не имѣетъ самоуваженія, не держитъ высоко своего знамени, не воспитываетъ въ своихъ адентахъ чувства профессиональной чести, сознанія отвѣтственнаго и полезнаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ она не пользуется уваженіемъ и со стороны интеллигентнаго общества. Это объясняется первѣе всего тѣмъ, что въ широкой богословской области не отмежованы отдѣлы научно-критическій и популярно-фельетонный: въ сознаніи читателей эти отдѣлы безраздѣльно сливаются, и признаки

нижней религіозной письменности усвояются высшему богословію, богословской наукѣ. Вредъ этого смѣшенія сказывается изъ подотдѣловъ научнаго богословія собственно на томъ, которымъ обнимается религіозное мышленіе,—не на церковно-исторической наукѣ, а именно на богословіи.

Не трудно понять, что болѣе ими менѣе устойчивую цѣнность въ богословской области имѣютъ труды или чисто-историческіе, излагающіе объективную правду, или же такіе, содержаніемъ которыхъ служитъ религіозное мышленіе, личное богословское творчество. Въ первыхъ ступевывается личность автора; напротивъ, все значеніе вторыхъ въ личномъ элементѣ, въ послѣдовательномъ міросозерцаніи, въ опредѣленной авторской фізіономіи. Первые ничего не теряютъ, появляясь анонимными, и они, конечно, должны подготовить и уступить мѣсто послѣдующимъ болѣе совершеннымъ изслѣдованіямъ; во вторыхъ — вложенная душа автора, личные переживанія, религіозныя надежды и страданія имѣютъ вѣчную, незамѣнимую цѣнность. Наша среда цѣнить перваго сорта работы, понимая лишь объективность изслѣдованія въ смыслѣ безличности, безцвѣтности литературнаго труда; но она совершенно неподготовлена и неспособна цѣнить работы втораго рода. Послѣднія работы нашею средою совершенно не принимаются и остаются въ ней чуждымъ, неперевариваемымъ тѣломъ. И здѣсь возможны разныя ступени отчужденія.

Наряду съ указанными двумя типами богословской литературы мыслимъ третій—популярное изложеніе извѣстныхъ истинъ теоретическихъ и практическихъ, въ цѣляхъ дидактическихъ и назидательныхъ. Эта популярная богословская литература относится къ ученому богословію, историческому и религіозно-философскому, такъ же, какъ лубочныя картины, которыя трудно не встрѣтить въ каждой деревенской избѣ, къ художественнымъ произведеніямъ. Но тутъ нужно установить то важное различіе, что границу между лубочной мазней и художественной работой, въ общемъ конечно, признаетъ все интеллигентное общество, тогда какъ нѣтъ такого общаго признанія особенныхъ областей богословія популярно-проповѣдническаго и научнаго, — эти области обычно смѣшиваются. Обильною, какъ песокъ морской, популярною письменностью безнадежно поглощается научное

богословіе,—и вѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ общественной тенденціи различно относиться къ тѣмъ и другимъ книгамъ. Для общества, интересующагося религіозно-церковными вопросами, и для общества, не интересующагося этими вопросами, вся богословская литература, начиная съ указаній легчайшаго пути въ царство Божіе и кончая критической философіей христіанства, сваливается въ одну кучу.

Назидательная церковная письменность въ Россіи появилась одновременно съ христіанствомъ, во всякомъ случаѣ задолго до народженія у насъ ученаго богословія, и она всегда была обильна. Въ послѣдніе же дни она увеличилась сотрудничествомъ свѣтской интеллигенціи. Да, въ наше время много свѣтскихъ лицъ занимается религіозно-церковными вопросами. Спасеніе, антихристъ, Духъ Святой, аскетизмъ—ревностно обсуждаются свѣтскими писателями. И несомнѣнно одно: брошюрочно-фельетонная литература, выходящая изъ-подъ пера этихъ писателей, ни мало не обогащаетъ ученаго богословія, но тѣсно примыкаетъ къ назидательной области.

Различіе между церковной назидательной письменностью и новѣйшимъ свѣтскимъ богословскимъ фельетонизмомъ должно быть отмѣчено: въ послѣднемъ уже не передается принятое ученіе, но какъ бы прокладываются „новые пути“. Однако, это не есть личное религіозное творчество, потому что здѣсь доминируютъ программно-партийныя цѣли. Весь свѣтскій религіозный фельетонизмъ безъ остатка распределяется по рамкамъ освободительно-соціального движенія, и каждое его теченіе тѣсно примыкаетъ къ тому или другому освободительному направленію. Здѣсь богословіе стоитъ на службѣ у политики, и личное религіозное творчество замѣняется партийными программами. Здѣсь по своему также проповѣдуютъ, поучаютъ, обличаютъ, и знать не хотятъ критическихъ научно-богословскихъ пріемовъ. Чревоущаніе и произволъ уступаютъ лишь одной границѣ партийной программы, а затѣмъ—безпредѣльны. Пишутъ объ аскетизмѣ, духѣ святомъ, церкви, но не твердо выговариваютъ эти святые слова.

Мало пользы богословской наукѣ приносить этотъ богословскій фельетонизмъ, а лучше сказать онъ не приноситъ

богословію ничего кромѣ вреда. Timeo Danaos et dona ferentes ¹⁾.

Шумять, что наше богословіе было доселѣ схоластично, мертво, что его нужно оживить, поставить ближе къ жизни,— шумять и злоупотребляютъ этими копѣчными истинами. Нынѣ громко провозглашаютъ и доказываютъ этотъ призывъ не значить быть героемъ, но значить ломиться въ открытую дверь: кто нынѣ уже не исполненъ ненавистью къ схоластическому богословію и не чувствуетъ жажды живого религіознаго мышленія? Но нынѣ центръ тяжести въ другомъ вопросѣ: въ чемъ именно жизненность богословскаго мышленія? Въ томъ ли, что религіозное знаніе должно имѣть утилитарный характеръ, должно стоять на службѣ у временныхъ практическихъ интересовъ, или въ томъ, что религіозное знаніе должно быть поставлено на почву живого личнаго опыта и лишь изъ этой личной глубины приводить къ практическимъ выводамъ, которыхъ заранѣе и предвидѣть нельзя? И то и другое направленіе идетъ противъ схоластицизма, но между ними самими громадная разница. Вѣдь одно дѣло цѣнить каждое знаніе по его практической пользѣ

¹⁾ Это чувствуютъ и болѣе умные изъ свѣтскихъ писателей. Вотъ слова, которыя принадлежатъ Л. Шестову. „Въ своей статьѣ *О новомъ религіозномъ сознаніи*, въ которой Бердяевъ впервые начинаетъ говорить о Христѣ, богочеловѣкѣ, человекобогѣ и т. п. онъ обрывается, заикается, словомъ обнаруживаетъ всѣ признаки того, что попалъ въ чужую и незнакомую ему область, гдѣ приходится двигаться наугадъ и ощупью. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что всѣ наши писатели, пришедшіе къ христіанству путемъ эволюціи, вѣкъ не могутъ научиться по настоящему выговаривать святыя слова. Даже Мережковскій, вотъ уже столько лѣтъ упражняющійся на богословскія темы, не дошелъ до сихъ поръ до сколько-нибудь значительной виртуозности, несмотря на свое несомнѣнное литературное дарованіе. Настоящаго тона ивѣтъ. Въ родѣ того, какъ человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ изучившій новый языкъ. Всегда узнаешь въ немъ иностранца. То-же и Булгаковъ. Онъ оригинально рѣшилъ трудную задачу и съ первыхъ же статей сталъ выговаривать слово Христосъ тѣмъ же тономъ, которымъ прежде произносилъ слово Марксъ. И все-таки Булгаковъ, несмотря на все преимущество простоты и естественности манеры (ибо ее не пришлось мѣнять), не удовлетворяетъ чуткаго слуха“... Они сами „видно, это чувствуютъ и отъ религіозныхъ исканій переходятъ къ вопросамъ церкви, къ церковной политикѣ. Здѣсь, пожалуй, они будутъ на своемъ мѣстѣ. Политика, вопросы общественнаго устройства старое, близкое, родное дѣло“... О писателяхъ болѣе мелкаго колѣбра и говорить нечего.

для данного времени, и иное дѣло — знать собственную цѣнность науки. И это имѣетъ значеніе по отношенію къ каждой наукѣ, въ частности къ богословской.

Что всякая наука должна имѣть практическіе результаты, это выше сомнѣнія. Можно вполне согласиться съ тѣмъ, что по этому вопросу говоритъ Паульсенъ. „Практическія задачи возникаютъ раньше и являются болѣе важными, чѣмъ теоретическія проблемы. Если мы скажемъ, что науки возникли для рѣшенія практическихъ задачъ, то въ этомъ не будетъ большой ошибки. Знанія, по крайней мѣрѣ при ихъ первоначальномъ возникновеніи, являются средствами для практическихъ цѣлей: анатомія и фізіологія—для врачебнаго искусства, геометрія—для измѣренія земли. И философія, или теоретическое знаніе вообще, возникла первоначально благодаря вопросу о значеніи и задачахъ жизни“... Это такъ. Но вѣдь также несомнѣнно, что „нынѣ различаются два вида научныхъ дисциплинъ: теоретическія и практическія, теорія и прикладныя знанія, собственно науки и ученія объ искусствахъ. Цѣль первыхъ — познаніе, цѣль послѣднихъ—преобразование вещей при помощи человѣческой дѣятельности: онѣ указываютъ, какъ измѣнить вещи примѣнительно къ нашимъ цѣлямъ“. Но все дѣло въ томъ, ограничить ли предѣлы теоретическаго знанія ближайшими практическими интересами, или же предоставить ему развиваться своими собственными интересами? Есть ли практическая польза *результатъ* теоретической науки, или же ея *цѣль*? Въ рѣшеніи этого—второго—вопроса едва-ли можно не согласиться съ Пуанкаре, по мнѣнію котораго, „нельзя сказать, чтобы дѣйствіе было цѣлью науки. Должны ли мы осудить изслѣдованія, произведенныя надъ Сиріусомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы вѣроятно никогда не предпримемъ никакихъ дѣйствій по отношенію къ этой звѣздѣ?“

То же самое нужно сказать, въ частности, и о религіозномъ знаніи, о богословской наукѣ. Что богословіе должно быть живо и дѣйственно, это нынѣ стало общимъ мѣстомъ, изъ котораго нельзя извлечь никакихъ значительныхъ выводовъ. На пути къ послѣднимъ стоитъ болѣе реальный вопросъ о томъ, связано ли богословіе, какъ наука, непосредственно съ современными проблемами религіозно-церковной и социальнo-политической практики, должно ли оно ограни-

чиваться служеніемъ этимъ проблемамъ, должно ли оно управляться программными симпатіями, или же богословіе есть наука съ автономнымъ содержаніемъ, съ которымъ нужно считаться, пріятно ли это намъ или непріятно, соотвѣтствуетъ ли это интересамъ времени или не соотвѣтствуетъ. Въ дѣйствительности же желаютъ, чтобы богословіе прислуживалось къ общественнымъ партіямъ, или консервативнымъ или прогрессивнымъ, чтобы оно руководилось партійными симпатіями монархическими, конституціонными, социалистическими, социаль-демократическими, социаль-революціонными, анархическими. Не по существу богословія, не потому, чтобы богословіе было неразрывно связано съ временными политическими вѣяніями, а потому, что издавна привыкли и нынѣ кажется всѣмъ весьма удобнымъ—пользоваться религіей въ политическихъ интересахъ, на богословіе претендуютъ всѣ политическія партіи. Анархизмъ хочетъ имѣть свое богословіе (напр. г. Чулковъ), социализмъ—свое (христіанскій социализмъ), монархизмъ—свое, церковная политика—свое, конституціонныя партіи также включаютъ въ свои программы церковно-богословскіе вопросы и т. д. Всѣ хотятъ опираться на богословіе, всѣ хотятъ на мѣсто богословской науки поставить фельетонно-брошюрочное производство. Однѣ партіи опираются и претендуютъ на богословіе между прочимъ, краешкомъ своихъ программъ, а другія утверждаютъ на богословіи всѣмъ своимъ основаніемъ, хотятъ поглотить все богословіе, но большой разницы тутъ нѣтъ. Одинаково отрицаютъ богословіе, какъ автономную науку, одинаково близоруко смотрятъ на ту пользу, которую можетъ оказать богословское знаніе. Забываютъ, что знаніемъ можно только пользоваться, къ нему нужно прислушиваться, открытымъ законамъ нужно повиноваться. *Naturae non imperatur nisi parendo.*

Религіозная наука по существу своего объекта, а не только по общимъ научнымъ основаніямъ, имѣетъ уклонъ къ рѣшительной свободѣ отъ субъективныхъ интересовъ минуты. Религіозно относиться къ жизни это и значить смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія вѣчности. Христіанская религія, какъ религія абсолютная, адекватно выражается лишь въ личномъ религіозномъ творествѣ и не имѣетъ иного отношенія къ общественнымъ формамъ, къ временнымъ интересамъ, какъ только чрезъ посредство личнаго творчества. Фельетонизмъ,

брошюрочный кругозоръ, программная близорукость эссенциально противны христіанскому богословію, какъ наукѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на высотѣ христіанскаго отношенія къ жизни никакъ не можетъ удержаться толпа, для которой жизненность христіанства доступна единственно въ смыслѣ публицистическаго кругозора. Вотъ почему нѣтъ другой такой области, гдѣ бы дурная популярность, вульгарность, фельетонизмъ и шарлатанство приносили столь громадный вредъ дѣлу и пользовались столь широкимъ распространеніемъ, какъ въ богословіи. Впрочемъ — аналогію съ богословіемъ можетъ дать медицина. Какъ ни велико и существенно различіе между научной медициной и знахарскимъ шарлатанствомъ, однако послѣднее въ некультурномъ обществѣ слишкомъ успѣшно оспариваетъ у медицины ея значеніе. Защищая объективную цѣнность науки, Пуанкаре пишетъ: „Правила игры представляютъ произвольное соглашеніе; можно было бы принять соглашеніе противоположнаго содержанія, которое не оказалось бы хуже. Вопреки этому наука есть такое правило дѣйствія, которое приводитъ къ успѣху вообще только при томъ условіи, чтобы правило съ противоположнымъ содержаніемъ не имѣло успѣха. Когда я говорю: для добыванія водорода дѣйствуйте кислотой на цинкъ,—я формулирую правило приводящее къ успѣху. Я могъ бы сказать: дѣйствуйте дистиллированной водой на золото, — это было бы также правило, но оно не вело бы къ успѣху“. Противъ этихъ словъ Пуанкаре нельзя спорить; однако высказанный имъ тезисъ не во всѣхъ областяхъ пользуется одинаковою очевидностью. Конечно, въ области инженернаго строительства первый же опытъ—постройка моста, тунеля—проведетъ непременную границу между знаніемъ и шарлатанствомъ. Но вотъ въ медицинской области далеко не для всѣхъ очевидно различіе между наукой и знахарствомъ, или по крайней мѣрѣ не всѣ истолковываютъ это различіе въ пользу науки. Медицинская наука скромна; она признается, что не всѣ болѣзни излечимы, что не всякая болѣзнь излечима при всякихъ условіяхъ, что она зависитъ отъ организма, которому лишь помогаетъ. Напротивъ, знахарское шарлатанство обѣщаетъ чудеса, внушаетъ надежду на излечимость всѣхъ болѣзней и поддерживаетъ эту надежду такъ называемыми „лошадиными дозами“. Въ силу этихъ обстоя-

тельство медицина въ низко-культурномъ обществѣ не можетъ конкурировать съ знахарствомъ. И во всякомъ случаѣ сама медицина, собственными средствами, безсильна бороться съ своимъ конкурентомъ. Но еще печальнѣе положеніе научнаго богословія. Оно видитъ рядомъ съ собою религіозное шарлатанство, которое то обѣщаетъ своимъ адептамъ власть надъ природными силами, магическую помощь, то рекомендуетъ религію какъ надежнѣйшій и вѣрнѣйшій путь соціального и политическаго благоустройства. Въ наше время особенно вошелъ въ моду послѣдній видъ религіозно-богословскаго шарлатанства—богословско-фельетонная игра на соціально-политическихъ симпатіяхъ, предъ которыми не можетъ устоять толпа даже полукультурная. Какъ легко поддаваться подъ неглубокія вождельнія этой толпы! Въ наши дни—въ дни борьбы съ старымъ режимомъ—стоитъ лишь провозгласить, что христіанская религія на сторонѣ социализма и противъ такой-то власти,—и толпа рукоплещетъ. Не пойметъ она, что какъ-бы ни была настоятельна нужда соціально-политическихъ реформъ, самыхъ радикальныхъ, все-же несомнѣнная пошлость въ томъ, что религія связывается непосредственно съ опредѣленными формами соціально-политическаго прогресса. Даже какой-нибудь Георгій Чулковъ, смыслящій въ богословіи менѣе любого семинариста, въ силу одной только индивидуалистической точки зрѣнія понимаетъ, что „для религіознаго сознанія не можетъ быть относительныхъ критеріевъ. Религія по духу своему всегда непримирима. Она не можетъ говорить мнѣ: сегодня пусть будетъ конституціонная монархія, завтра республика. Религія ставитъ абсолютныя цѣли“. Но толпа, даже интеллигентная толпа, именно потому, что она—стадо, никогда не пойметъ религіознаго аристократизма, религіозной абсолютности. Ей нужны хлѣбъ и зрѣлица! И научное богословіе, имѣющее своимъ объектомъ чистое религіозное познаніе и не проповѣдующее ничего кромѣ абсолютнаго дѣйствія и личной свободы, не имѣетъ собственныхъ средствъ прямой борьбы съ богословскимъ шарлатанствомъ.

И что всего любопытнѣе: соблазнительнымъ для слабыхъ душъ является не опредѣленное какое-нибудь фельетонное рѣшеніе христіанскаго вопроса, а именно самый фельетонизмъ, самая программная постановка христіанскаго вопроса

Увлекаются одинаково и трудовымъ братствомъ, построеннымъ на принципахъ желѣзной дисциплины, и толстовскими колоніями, основывающимися на полномъ отрицаніи всякой дисциплины, и братствомъ борьбы, вносящимъ въ христіанство начала революціонныхъ дѣйствій, и христіанскимъ социализмомъ. Остается въ тѣни и тотъ фактъ, что всѣ эти программы исключаютъ одна другую: христіанскіе „трудовики“ съ скрежетомъ зубовымъ обличаютъ нелѣпность какъ непротивленцевъ, такъ и христіанскихъ общественниковъ, непротивленцы въ свою очередь ненавидятъ и трудниковъ и общественниковъ, послѣдніе, наконецъ, презираютъ и мирныхъ трудниковъ и пассивныхъ непротивленцевъ. Но у нихъ всѣхъ есть общее: всѣ они не хотятъ знать богословской критической науки, всѣ они проповѣдуютъ, обличаютъ, выставляютъ свои программы, обѣщаютъ немедленное исцѣленіе недуговъ, предлагаютъ „правила дѣйствія“. Устраняясь отъ богословской науки, всѣ они понятія и даже предчувствія не имѣютъ о религіозной тайнѣ, о красотѣ религіознаго знанія, всѣ они страшно не религіозные люди. Они размѣняли религіозную цѣнность на рыночныя монеты, они волочатъ святыню по улицамъ, они замѣняютъ религіозное вѣдѣніе дешевыми программами. Отъ нихъ мы не услышимъ религіозно-творческой мысли, крылатога слова,—они наводняютъ книжный рынокъ своими популярными брошюрами, своими рецептами для толпы...

При такихъ условіяхъ научное богословіе требуетъ отъ своихъ работниковъ героическаго самоотверженія. *Theologia vera virtus est.* (Вмѣстѣ съ предложеніемъ приходится будить и спросъ, вмѣстѣ съ бросаніемъ зеренъ приготовить и почву, развивать и вкусы. Нѣтъ благопріятнаго встрѣчнаго теченія. Напротивъ, встрѣчаешь предубѣжденіе и недоверіе. Выходишь на сцену подъ косыми взглядами. Съ первымъ шагомъ поднимаешь на себѣ грѣхи другихъ. Заранѣе отказываютъ тебѣ въ правѣ говорить истину историческую и правду личную, прилагаютъ къ твоей религіозной мысли чужіе масштабы программныя, вѣшныя мѣрки шаблонныя.

На этомъ выгодномъ фонѣ ярко выдаются научныя преимущества богословскихъ трудовъ. Съ такими благопріятными чувствами я раскрылъ книгу г. Зарина.

(Продолженіе слѣдуетъ). *М. Таръевъ.*